

Юрий КЕКШИН

ПРИВЫКАЮ КТОСКЕ НЕЗНАКОМОЙ

ПОСВЯЩЕНИЕ МАМЕ

Наш домик на месте, а ты – на кладбище.
Я снова приехал домой.
Мне чудятся шорохи в отчем жилище,
Скорбит по тебе домовой.

Скорбят сквозняки и святые иконы,
Что горько пылятся в углу.
Давно не стучатся в окно почтальоны,
Лишь ливни стучат по стеклу.

Я тоже скорблю здесь ненастьем осенним,
Холодной унылой порой.
Ночами сиротские блеклые тени
По комнатам бродят со мной.

Ты слышишь меня, или нет – не гадаю,
Вовек не узнать мне ответ,
Но, как же светло, и как свято сияет
Давнишний твой фотопортрет...

Уже я дожил до седин,
А, значит, и до края.
Но я, пока что, не один,
Со мной – звезда седая.

Она еще полна огня,
Она жива, поверьте.
Она – моя! Она – моя! –
С рожденья и до смерти.

Когда уйду я навсегда,
Презрев чужие сплетни,
Коснись, коснись меня, звезда,
Своим огнем последним...

Сидит у окна воробей,
Во взоре – немое страдание.
Жестокий мороз, не убей
Голодное это создание.

Пшена я насыпал ему.
Поешь ты, поешь, недотрога.
Сегодня и мне самому
До слезной тоски одиноко.

Гудит ледяной ветерок,
Корежа и тело, и душу.
Из сереньких перьев комок
Живет, невзирая на стужу...

СОРОКОВИНЫ МАТЕРИ

Привыкаю к тоске незнакомой,
Замерзаю от этой тоски.
Сквозь крыльцо опустевшего дома
Злой оравой растут сорняки.

Да и стены в жилище родимом
Паутиной седой поросли.
Как положено – скорбно и мимо –
Сорок дней беспросветных прошли...

Я старался дышать полной грудью,
Чтоб удачу поймать по судьбе,
И нередко стоял на распутье,
Выбирая дорогу себе.

По колдобинам шел сквозь порошу,
Сквозь дожди и увесистый град.
Отчего же, одно бездорожье
Выбирал я себе наугад?

Но сказал мне однажды попутчик:
«Ты о том не жалея никогда.
Путь с ухабами все-таки лучше,
Без ухабов дорога пуста».

Извела суета городская,
К ней доселе еще не привык.
Часто снится мне школа родная,
Древний парк, и любимый родник.

Не прошу я ни злата, ни хлеба,
Чаще видеть бы взором своим,
Как грачами усыпано небо
Над родимым поселком моим...

Осенний вечер. Остановка.
Трамвая ждет усталый люд.
Ветра умело, со сноровкой,
Листву опавшую метут.

За горизонт уходит солнце,
И так пронзительно, до слез,
Из недалекого оконца
Поет о воле певчий дрозд...

Творить пытаюсь ночью длинной
По зову тяжелой кабалы.
Не жду от этой писанины
Ни похвалы, и ни хулы.

Я обессилен душным мраком,
Потоком лунного огня.
Листок исписанной бумаги
Измучен так же, как и я.

Мне сострадают только тени.
Вот так – с собой наедине,
Из слез, из боли, из сомнений
Стихи рождаются во мне...

Дождь оборвался, как и не был,
Исчез мгновенно он и – вот:
Возникла радуга на небе
И захватила небосвод.

От счастья ласточка запела,
Ей отозвался соловей,
И тень свинцовая слетела
С лугов и вспаханных полей.

От неба засинели лужи,
Расправились отростки роз,
И эхо от дождя все глуше
Шепталось с листьями берез...

Негоже плакать мне в жилетку,
Дел и идей невпроворот.
Багряный лист на мокрой ветке
Вот-вот сорвется, но – живет!

Под небом русским, небом древним
Нам разный с ним назначен срок –
Листу уйти в полет последний,
Мне ощутить последний вздох.

Жизнь полустанком прогремела,
Даря и зло мне, и добро,
Об этом трудно и несмело
Еще скрипит мое перо.

Все чаще, все больней не спится
От истины, что понял я:
Зачем всегда ловил синицу,
Махнув рукой на журавля...